

Письмо къ И—ой.

14 августа 1872 года.

Вашъ «обвинительный актъ» нисколько не огорчилъ и не оскорбилъ меня. И до этого мнѣ часто приходилось слышать тѣ же самыя обвиненія—ими неразъ язвили люди мое и безъ того больное сердце,—язвили потому, что я люблю людей и не могу оставаться равнодушной къ ихъ злобѣ и недоброжелательству. Наконецъ, я нѣсколько освоилась съ этимъ, чувствительность притупилась, и я стала почти равнодушно и часто молча выслушивать эти обвиненія.

Но молчать передъ вами я не могу. Молчать въ смыслѣ не оправдываться мы можемъ только передъ людьми, расположеніемъ которыхъ не дорожимъ,—передъ людьми, которые часто сами не вѣрятъ въ то, о чемъ говорятъ, и говорятъ для того только, чтобы язвить человѣка. Кромѣ того, въ ваши юные годы вы не могли еще достигнуть той самостоятельности, которая въ состояніи спасти васъ отъ колебаній и сомнѣній; общественное мнѣніе имѣетъ еще въ глазахъ вашихъ огромное значеніе; вотъ почему я не могу оставить письмо ваше безъ отвѣта и постараюсь побесѣдовать съ вами со всею искренностью честнаго человѣка.

Пунктъ 1. Общественное мнѣніе обвиняетъ меня въ самоллюбіи.

Обвиненіе утверждаетъ, что я вышла изъ Общества Грамотности потому, что меня оскорбили. Это совершенно вѣрно, и этого совершенно достаточно для порядочнаго человѣка, чтобы удалиться. Зачѣмъ же, находя очевидную причину, оно дѣлаетъ натяжки, говоря: «чтобы трудиться отдѣльно и быть замѣтною». Но почему же въ такомъ случаѣ я не могла начать этимъ, а не кончить? Неужели для

того только, чтобы наткнуться на оскорбленіе?! Но такъ или иначе, фактъ совершился—я получила оскорбленіе и вышла... Что же мнѣ оставалось дѣлать? Неужели опустить руки и бездѣйствовать?!

Доказательствомъ тому, что я до оскорбленія не предполагала работать отдѣльно, служить то, что за нѣсколько дней до выхода изъ воскресной школы Общества Грамотности я входила въ нее, спокойная и счастливая, съ кипюю книгъ, привезенныхъ мною изъ Петербурга.

Это ли не доказательство!?

Пунктъ 2. Увлеченіе учительницами.

Да! я увлекаюсь нашими учительницами, я люблю, я уважаю ихъ, но... возможно ли иначе?! Возможно ли не уважать труженицу Чирикову, посвящающую доброму дѣлу свой единственный свободный день?! Возможно ли не благоговѣть передъ самоотверженіемъ Томашевской?! Возможно ли не увлекаться юнымъ задоромъ Ивановой, съ которымъ она относится къ дѣлу?! Но развѣ это не факты, передъ которыми способенъ благоговѣть каждый человѣкъ, не только заинтересованный лично въ дѣлѣ, какъ я, а ознакомившійся съ ними по слухамъ, какъ положимъ Миропольскій—онъ не участникъ въ нашемъ дѣлѣ, но онъ любить школу вообще, и эта любовь вызываетъ симпатію и сочувствіе...

Но развѣ это не факты, способные создать увлеченіе, и не въ такомъ даже увлекающемъ субъектѣ, какъ я?! И неужели любовь къ учительницамъ можно смѣшать съ себялюбіемъ, какъ смѣшиваете вы...

Пунктъ 3. Небрежность къ своимъ дѣтямъ.

Мнѣ кажется, *результатъ* ни въ чемъ не является такимъ многозначающимъ доказательствомъ, какъ въ дѣлѣ воспитанія. И что же вы видите въ результатѣ?! Вы видите здоровыхъ, краснощекихъ, веселыхъ дѣтей, съ полною откровенностью и любовью относящихся къ своей выкормившей ихъ «мамкѣ», вы видите дѣтей, въ которыхъ развита правдивость, подѣльчивость, взаимная любовь и дружба... Это ли не краснорѣчивый результатъ, вопіющій противъ взводимыхъ на меня обвиненій?! Посмотрите вы

на ту страстную охоту, съ которою Митя принимается за ученье, съ какимъ интересомъ спрашиваетъ онъ каждый день: «не среда ли нынче, или суббота?» (дни, въ которые я занимаюсь съ нимъ). Вчера онъ говоритъ мнѣ: «Мама! когда я буду именинникъ, не дари мнѣ игрушекъ, а лучше учи меня цѣлый день!» Этого не скажетъ заброшенный ребенокъ забросившей его матери!.. Когда я плачу, я должна прятаться, потому что моя трехлѣтняя Галя плачетъ со мною. Когда у меня сильно болѣло сердце, Митю ничѣмъ не могли успокоить съ вечера—онъ горько плакалъ и говорилъ: «Я вижу маму въ гробу... Она умереть... Мнѣ жаль ее»... Галя, какъ святыню, сохраняетъ мои письма къ ней изъ Петербурга...

А если я чувствую потребность удѣлить нѣсколько часовъ въ недѣлю *чужимъ* дѣтямъ, незнающимъ родительской ласки, если я люблю, если я учу этихъ дѣтей,—неужели это преступленіе?! Неужели когда-нибудь мои дѣти поставятъ мнѣ это въ упрекъ?! Нѣтъ! Никогда!..

При мысли о смерти и о дѣтяхъ мнѣ становится необыкновенно отрадно отъ сознанія, что я завѣщаю имъ хорошую память о себѣ, что опозитизированный временемъ образъ мой явится передъ ними свѣтлымъ образомъ матери—не эгоистики,—матери, въ сердцѣ которой нашелся уголокъ для любви къ бѣднымъ, заброшеннымъ дѣтямъ. Я вѣрю даже, что это воспоминаніе разовьетъ въ нихъ симпатію къ той же дѣятельности, и такимъ образомъ, *стремленія* мои не умрутъ съ моимъ тѣломъ.

Нѣтъ, Саша, не вѣрьте, что я не люблю дѣтей!.. Подумайте, похоже ли это на меня, увлекающуюся, нервную и любящую?!

Пунктъ 4. Поклоненіе авторитетамъ.

Это пунктъ, въ которомъ я всегда сама обвиняю себя... Но такъ ли это?! Происходитъ ли это отъ тупой вѣры въ громкія имена, отъ ограниченности взглядовъ, отъ неспособности къ анализу и т. д.?! Нѣтъ! это все тотъ же продуктъ увлекающихся натуръ (къ числу которыхъ, къ несчастью, принадлежу и я), это все та же пища горячихъ темпераментовъ... Они не могутъ не увлекаться, не покло-

няться, не волноваться—это ихъ жизнь!.. Не потому поклоняются они авторитету, что онъ авторитетъ, нѣтъ... они ищутъ въ жизни живыхъ идеаловъ своего живого воображенія, способны опозитизировать cadaго выдвинушагося изъ толпы человѣка, способны возвести его на пьедесталь и потомъ съ той же горячностью свергнуть его, чтобъ поклониться новому...

Я сказала все, что хотѣла сказать... Теперь можете произнести надо мною приговоръ, какой хотите.

Х. А.

Раненые въ Харьковѣ.

(Изъ дневника во время Турецкой войны).

21 октября 1877 г.

Мы возвратились съ дачи 1 сентября. Еще тамъ я мечтала о помощи раненымъ. Вопросъ, гдѣ я пристроюсь, съ кѣмъ и какъ, очень занимать меня. Съ первыхъ дней по прїѣздѣ я побывала во всѣхъ больницахъ и пристроилась въ торжественномъ залѣ университета. Вопросъ, не была ли бы я полезнѣе въ другой больницѣ, не тревожитъ меня—я отдаю все, что могу—и душу, и время, и деньги въ томъ размѣрѣ, въ какомъ только я въ силахъ дать, а отдаю ли я ихъ здѣсь или въ другой и третьей больницѣ, не все ли равно?!

Но вотъ что странно: какъ ни были сильны впечатлѣнія первыхъ дней, я не занесла ихъ въ дневникъ. Почему? Именно потому, вѣроятно, что они были слишкомъ сильны. Я закружилась, засуетилась, заметалась до невозможности даже отдать себѣ отчетъ. На дачѣ являлись вопросы и вопросы, а здѣсь жизнь предъявляла живые, несомнѣнные отвѣты. Такъ, напр., на дачѣ былъ такой вопросъ, гдѣ я нужнѣе: у интеллигентнаго больного или у солдатъ? Я думала такъ: къ солдатамъ пойдутъ многіе, если не всѣ—тамъ больше вопіющихъ страданій, тамъ нужда, горе и лишения громче кричатъ; я и сама больше люблю народъ, меня больше тянетъ къ нему, чѣмъ къ „паничамъ“. Но такъ ли это? Не жалъче ли цивилизованный искалѣченный человѣкъ? Не глубже ли чувствуетъ онъ свое увѣчье? Не болѣе ли одинокъ онъ вдали отъ изнѣжившей его семьи? И кто можетъ откликнуться на всѣ эти сердечные стоны,

кто можетъ участіемъ напомнить семью, у кого найдется искреннее слово утѣшенія, кто способенъ къ душевной бесѣдѣ, къ обмѣну мыслей и т. п. Не долженъ ли онъ идти туда, къ этому менѣе эффектному и болѣе глубокому нравственному страданію? И я была и тамъ и тамъ, и что же отвѣтила мнѣ жизнь? У офицерской больницы стояли коляски и кареты; просторныя комнаты вмѣщали по 2, по 3 человѣка; на столахъ стояли торты и пирожныя; больные лежали въ роскошныхъ халатахъ, и когда я вошла съ моей корзинкой варенья, меня встрѣтили такіе высокомерные взгляды, что я готова была провалиться сквозь землю. Съ тѣхъ поръ я не входила болѣе въ офицерскую больницу, а что я видѣла у солдатъ, покажутъ послѣдующія замѣтки моего дневника.

Въ заключеніе скажу одно, что, если существуетъ теплота сердечная, честность, поэзія, душевность, искренность, чистосердечіе, то это именно среди простого народа. Если вѣрить въ будущность Россіи, то только полагая все надежды на этотъ отважный, великодушный, самоотверженный народъ. Если ждать Мессіи, который спасетъ насъ, то только изъ него.

Таковы мои впечатлѣнія.

Существуетъ мнѣніе между близкими мнѣ людьми, будто у меня слабыя нервы, но мнѣ не хочется этому вѣрить. Мнѣ казалось всегда, что болѣзнь моя—впечатлительность, а не нервность. Я легко плачу отъ воображаемаго горя надъ романомъ и остаюсь совершенно спокойна при внезапномъ стукѣ, крикѣ, при всемъ томъ, чего не выносятъ люди съ слабыми нервами. Но если уже необходимо назвать меня нервной, то никогда, кажется, нервы мои не были такъ натянуты, какъ въ эти послѣдніе дни. Четверо больныхъ дѣтей—это что-то ужасное—тутъ все: и страхъ за ихъ жизнь, и страданіе за ихъ страданія, и раздражительность за капризы и непослушаніе, и упреки себѣ, горькіе упреки потомъ за эту непозволительную, негуманную раздражительность. Однимъ словомъ, все осложняющее и безъ того тяжелое, реальное горе.

Благодаря этимъ болѣзнямъ, я двѣ недѣли не была въ больницѣ или, лучше сказать, не позволяла быть. Причинная теорія была такова: нельзя же бросить этихъ маленькихъ страдальцевъ, взывающихъ безпрестанно: „мама! мама!“ и итти къ чужимъ неизвѣстнымъ людямъ. Но тянуло ли меня туда? Это вопросъ, на который я должна сказать, отвѣчая искренно,—тянуло.

Мнѣ думалось: «этотъ Барбулисъ, ожидающій меня писать отвѣтное письмо, этотъ казакъ съ $41\frac{3}{4}^{\circ}$ температуры, ожидающій, быть-можетъ, передъ смертью, нѣтъ ли вѣстей отъ любимой беременной жены, этотъ дизентерикъ Галаганъ, тоже ведущій черезъ меня переписку, изсохшее лицо котораго начинаетъ обыкновенно проясняться улыбкой при видѣ меня,—всѣ они, ей Богу, несчастнѣе моихъ больныхъ дѣтей—здѣсь и отецъ, и няня, и тепло, и уютно, а тамъ? И вотъ, однако, несмотря на этотъ сердечный протестъ, я выдержала себя двѣ недѣли подлѣ дѣтей и сегодня въ первый разъ по возобновленіи собиралась на дежурство. Я была благоразумна: не поѣду, говорила я себѣ, рано, какъ обыкновенно въ 9 часовъ къ перевязкѣ; надо уснуть хорошенько, привести себя въ порядокъ, вонъ уже сколько ночей я не спала. Поѣду, какъ ѣздить всѣ дежурныя дамы, къ 12, къ обѣду. Но ночь я не спала попрежнему, подъ утро уснула тяжело, тревожно. Однако, характеръ выдержала и поѣхала ровно въ 12 часовъ.

Перевязка окончилась. Сестра милосердія вытирала хирургическіе инструменты.

— Были операціи?—спросила я.

— Да! Вонъ тому отрѣзали два пальца на ногѣ!—И она указала мнѣ на кровать незнакомаго мнѣ больного, прибывшаго въ больницу безъ меня.

Я подошла ближе. Больной метался и стоналъ; у кровати краснѣлась лужица крови. Я приподняла одѣяло. Несмотря на два пузыря со льдомъ, кровь такъ и просачивалась черезъ тряпку, простыня вся уже была въ крови. Я взглянула на сестру милосердія—она была блѣдна, какъ полотно.

— Почему ординаторъ ушелъ такъ скоро послѣ операціи?—спросила я.

— Почему?—сказала она, махнувши отчаянно рукою.—Вы видѣли, кого намъ назначили въ ординаторы?! Онъ самъ боится дотронуться до раны, хуже насъ!

Тутъ я въ самомъ дѣлѣ вспомнила, что при входѣ была неприятно поражена нѣсколько знакомой мнѣ смазливой фигуркой доктора Г., напечатавшаго недавно съ горя объявленіе, что онъ принимаетъ у себя «секретныхъ» больныхъ, такъ какъ «несекретные», говорятъ, къ нему не идутъ.

— Что жъ намъ дѣлать?—повторяли мы, растерявшись и видя, что человѣкъ исходитъ кровью: послать за Г.—все равно что ничего; за З., но его навѣрное не застанутъ—онъ теперь въ баракахъ.

— Бѣгите въ клинику за прежнимъ нашимъ ординаторомъ К.!—сказала я сестрѣ.

— Не пойдетъ! Они во враждѣ; къ тому же мы не имѣемъ права звать чужого ординатора!

— Господи! Какое тутъ право—человѣкъ умираетъ—вотъ вамъ и право!

И она побѣжала.

Лицо и вся фигура сестры были слишкомъ выразительны, чтобы отказаться притти, и К. пришелъ, хотя первымъ словомъ его было: «Ну, посмотрите, какъ вамъ достанется отъ Г., что вы меня позвали».

Онъ смѣло стащилъ пинцетомъ корпій, несмотря на раздирающіе стоны больного, и явственно указалъ намъ на тотъ ручеекъ, изъ котораго, напоминая крымскіе фонтаны, лилась кровь; но когда онъ снова сталъ запихивать какъ можно глубже корпій въ это разрѣзанное, свѣжее человѣческое мясо, крики больного дошли до неистовства, и его едва могли удержать въ постели пять человѣкъ.

Я чувствовала, что я вся похолодѣла, и прижалась къ колоннѣ на случай обморока. Въ глазахъ у меня, среди крови, то мелькалъ и искрился на пальцѣ доктора брильянтъ, взятый имъ, вѣроятно, въ приданое за богатой дочерью купца, на которой онъ недавно женился, то одно слово явственно написанное на дощечкѣ у постели больного: «магометанинъ». И брильянтъ и это слово какъ-то болѣзненно давили мнѣ сердце, особенно слово. Мысль, что

онъ раненъ своимъ—магометаниномъ, какъ-то особенно давила меня, точно больному было бы легче, если бы его ранилъ православный!

К. работалъ совершенно спокойно, это было видно и по его здоровому, чуть ли не улыбающемуся лицу, и по крѣпкимъ ниразу не дрогнувшимъ рукамъ; странное дѣло, все это цѣнится въ хирургѣ, и въ то же время дико и жутко видѣть человѣка, спокойно засовывающаго руку въ рану такого же человѣка, въ то время, какъ тотъ испускаетъ неистовые крики, раздирающіе душу.

К. окончилъ работу и отправился мыть руки. Я пошла вслѣдъ за нимъ и жаловалась на небрежность нашего ординатора.

— Помилуйте,—отвѣчалъ К. спокойно,—онъ не виноватъ, человѣку не дали никакого комфорта — нѣтъ отдѣльной комнаты!

К. показался мнѣ очень гадокъ въ эту минуту съ его брильянтомъ на пальцѣ.

Желая заглушить въ себѣ сколько-нибудь это тяжелое впечатлѣніе, я подошла къ своему любимцу Галагану съ письмомъ отъ его родныхъ на мое имя со вложеніемъ одного рубля. Онъ прослушалъ письмо съ довольнымъ видомъ; слезъ, какъ при полученіи перваго письма, на этотъ разъ не было, и я принялась писать отвѣтъ.

«Дорогіе мои родители,—диктовалъ мнѣ Галаганъ,—если вы сами нуждаетесь въ деньгахъ, не высылайте мнѣ, Бога ради, ничего—какъ-нибудь обойдусь, а если можете выслать, не обижая себя самихъ, то вышлите. У меня нѣтъ теплыхъ штановъ и одинъ только сапогъ; когда ранили, то все осталось тамъ.—Сапогъ парный можно заказать, если не отнимутъ ноги, а штаны, какъ самимъ вамъ извѣстно, стоятъ очень дорого».

Не успѣла я окончить письмо, какъ меня позвали разливать супъ.

Продолженіе того же утра.

Разносили обѣдъ. Вошла сестра милосердія и, называя по фамиліи больного, сказала: «Отецъ твой пришелъ!» Боль-

ной заметался, засуетился и, съ крикомъ коснувшись постели больными пальцами ноги, закричалъ: «Костыли, костыли, Христа ради!» ¹⁾).

Его старались успокоить. Въ это время въ дверяхъ показался маленькій, сгорбленный старичекъ—мужичекъ, въ старенькой-престаренькой свитѣ. Маленькіе слезливые глазки искали родного лица. Завидя сына, онъ бросился къ нему. Огромный парень-сынъ вскинулъ на него руки и такъ громко, такъ порывисто зарыдалъ, что сердце дрогнуло вчужѣ. Не знаю, плакалъ ли старичекъ—его слезливые глазки продолжали слезиться, а, можетъ-быть, онъ и вошелъ плача—трудно было это разобрать на этомъ собранномъ въ кулачекъ, морщинистомъ личикѣ, но когда сынъ выпустилъ его изъ своихъ объятій, и они сѣли рядомъ на скамеечку, отецъ впился въ него своими глазками такъ, что, казалось, никакія силы не могли бы его оторвать. Погодя немного, онъ засуетился: «Господи! и забылъ сумочку! Гдѣ жъ моя сумочка? Тамъ гостинцы!»—«Сидите! сидите!»—сказалъ сынъ, удерживая его,—«послѣ!»—Сестра милосердія бросилась въ сѣни и принесла дырявый мѣшечекъ,—такой же дырявый, заплатанный и испачканный, какъ и вся убогая одежда старичка. Сынъ поднялъ мѣшечекъ съ полу и сказалъ голосомъ, полнымъ участія и страданія:—«И это вы тащили 150 верстъ пѣшкомъ!»

Старичекъ съ лукавою улыбкою развязалъ мѣшечекъ и вытащилъ изъ него огромную паляницу, арбузъ и вязку бубликовъ.

«Это тебѣ мать спекла,—сказалъ онъ, подавая паляницу.—Сама хотѣла итти—вотъ какъ! Да не взялъ! Куды ей дойти полтора ста верстъ—пристанетъ и меня свяжетъ. Я-то и самъ какъ доплелся,—Богъ его знаетъ,—сколько разъ падалъ, темно — думалъ, не подымусь! Сколько дождь мочилъ! Ну, слава Богу, дошелъ и бу-

¹⁾ Онъ раненъ въ голову, но послѣдствіемъ этой раны было развитіе гангрены на пальцахъ ноги; всѣ они посинѣли, а одинъ отвалился самъ собою.

блички цѣлыми донесъ! У васъ тутъ, въ городѣ, ей Богу, нѣтъ такихъ вкусныхъ!»

Сынъ взялъ хлѣбъ въ руки, перекрестился и поцѣловалъ его. И, Боже мой, сколько трагизма было въ этомъ обрядѣ—этотъ хлѣбъ-кормилецъ, испеченный матерью умирающаго сына и принесенный старикомъ-отцомъ пѣшкомъ за полтора ста верстъ, какъ не перекреститься предъ нимъ, какъ предъ иконой, и не поцѣловать его!

Потомъ отецъ просилъ сына показать рану, и въ его словахъ: «Боже милосердный! Боже милосердный!» слышалось все—и страданье, и надежда, и молюба... Мнѣ такъ было жалъ этого бѣднаго старика, такъ больно отъ этой безысходной нужды, что невыразимо хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь помочь ему, и я очень обрадовалась, вспомнивъ, что у меня въ комодѣ уцѣлѣла еще восьмушка чаю и фунтъ сахару отъ раздачи уходившимъ больнымъ.

— На-те вамъ на дорогу,—сказала я,—погрѣтесъ, какъ позябнете. У насъ это всѣмъ даютъ на дорогу,—прибавила я, видя, что онъ почему-то колеблется взять.

— Сударыня, лучше вы не давайте ихъ мнѣ,—сказалъ старикъ заискивающимъ тономъ,—только позвольте, ради Бога, съѣсть ему кусочекъ арбуза, а то, говоритъ, не позволяютъ. Будьте такія добрыя—позвольте!

Я подозвала сестру милосердія, и, посовѣщавшись, мы разрѣшили сыну съѣсть кусочекъ.

Вечеромъ я опять была въ больницѣ и опять желаніе помочь чѣмъ-нибудь бѣднягѣ преслѣдовало меня. Мы привыкли къ палліативамъ, къ подачкамъ, и я дала ему 3 рубля—что жъ! можетъ-быть, для него это сила денегъ въ данную минуту! Вѣдь это должно хоть сколько-нибудь удовлетворять нравственное чувство, хоть сколько-нибудь успокаивать! Отчего же болитъ во мнѣ эта рана состраданія? Отчего не дѣйствуютъ на нее нисколько эти палліативныя мѣры? Отчего? Оттого, что изъ-за этого мужичка, грезится мнѣ, смотрятъ тысячи, миллионы такихъ же слезливыхъ глазъ такихъ же оборванныхъ свитокъ, такихъ же убогихъ мѣшечковъ съ паляницами, и не помочь имъ моимъ жалкимъ тремъ рублямъ и моей восьмушкѣ чаю.

22 октября 1877 г.

Еще одно изъ свѣжихъ воспоминаній.

Съ мѣсяцъ назадъ я была дежурной въ торжественномъ залѣ.

— Привезли больного, — сказалъ вѣбжавшій санитаръ, — да такого великана, что вдвоемъ не подымеешь — надо чело-вѣка три!

Черезъ нѣсколько минутъ въ залу внесли дѣйствительно великана. Я никогда не видала такого огромнаго, такого плечистаго чело-вѣка. Мы всѣ окружили его и стали бережно способствовать уложить эту махину на кровать.

Не успѣли мы еще устроить его какъ слѣдуетъ, еще его громадная нога въ гипсѣ нѣсколько свѣшивалась съ постели, а сидѣлка суетилась въ невозможности подыскать бѣлье на его громадный ростъ, какъ онъ крикнулъ густымъ и звучнымъ басомъ:

— Сестрицы! Кто бы мнѣ написалъ поскорѣе письмо моему хозяйшкѣ-женѣ!?

Я принесла свою походную канцелярію (какъ прозвали солдаты мой столикъ съ письменной шкатулкой) и стала писать.

Онъ диктовалъ и о томъ, что отнялъ знамя, и о томъ, гдѣ и какъ былъ раненъ и какъ получилъ три ордена и карточку великаго князя Николая Николаевича. Изъ словъ его я узнала, что онъ уральскій казакъ.

— Что жъ, по охотѣ пошли на войну? — спросила я, глядя на его красивое, суровое мужественное лицо и черные, какъ смоль, мстительные глаза.

— Какое! — отвѣчалъ онъ. — Силою оторвали отъ хозяйства — годъ какъ женатъ — жену оставилъ беременною. Она у меня красавица, умница, грамотная — увидите, какъ напишетъ!

Ничто такъ не сближаетъ съ чело-вѣкомъ, совсѣмъ чужимъ и незнакомымъ тебѣ, какъ его горе и искренній рассказъ объ этомъ горѣ, особенно письменная передача этого рассказа его близкимъ роднымъ. Въ эти минуты какъ-то сродняешься съ чело-вѣкомъ. Я испытала это много разъ

въ больницѣ. У меня тамъ такой родни человѣкъ двадцать. Какъ войдешь, такъ и чувствуешь на себѣ эти вопросительные взгляды. А нѣтъ ли, молъ, письма? И съ какимъ торжествомъ входишь, когда оно лежитъ въ карманѣ. Тутъ не только несешь радость одному, но и надежду всѣмъ остальнымъ: если онъ получилъ черезъ нее отвѣтъ, такъ, стало-быть, и я получу. Я придумала слѣдующій способъ отправки писемъ: вкладываю въ посылаемое письмо конвертъ съ маркой, на которомъ написанъ мой адресъ съ передачей такому-то, не говоря уже о томъ, что всѣми силами добиваюсь отъ нихъ самихъ правильнаго адреса, что довольно трудно. Одинъ, напримѣръ, Богусловскій ужъ три года на службѣ и ниразу не получалъ отвѣта (хороши писаки, должно-быть, ему писали!), а черезъ меня получилъ, что все дома благополучно и всѣ живы, а онъ считалъ, что всѣ вымерли, а даже за упокой подавалъ. Представьте же себѣ его радость!

Вотъ такимъ-то духовнымъ родствомъ породнилась я и съ казакомъ, когда на третій или четвертый день онъ сказалъ мнѣ:

— А я опять хочу писать—очень нужно!

— Что жъ именно?—спросила я.—Или что позабыли?

— Да вотъ что—хочу просить хозяйшку выслать мнѣ фунтовъ тридцать балыка да фунтовъ десять икры—у насъ тамъ чудесные балыкъ и икра!

— И полноте,—сказала я, не соображая, въ чемъ дѣло,—да вѣдь вамъ не позволятъ ѣсть!

— Да я не для себя!

— И товарищамъ не позволятъ!

— Да и не для товарищей, а ужъ знаю для кого!—сказалъ онъ, и по его суровому, почти жестокому лицу въ первый разъ скользнула улыбка.

Тутъ я догадалась, въ чемъ дѣло, и мнѣ стало очень совѣстно: брать подарки, гостинцы отъ нихъ, отъ этихъ раненыхъ, да что жъ это такое?! И я стала отклонять его всѣми мѣрами: я говорила, что все это испортится, пока дойдетъ, а онъ отвѣчалъ, что соленое такъ скоро не портится; я говорила, что пересылка будетъ стоить страшно

дорого, а онъ отвѣчалъ, что это ничего не значить, что у нихъ, слава Богу, хозяйство—полная чаша! Я говорила, что въ Харьковѣ у насъ есть хорошіе балыкъ и икра, а онъ отвѣчалъ, что это ничего не значить, что въ Харьковѣ не можетъ быть такихъ. Въ концѣ-концовъ мнѣ удалось только склонить его, по крайней мѣрѣ, выписать вполнину меньше.

Во время моего двухнедѣльнаго отсутствія изъ-за болѣзни дѣтей рана казака дѣлала успѣхи и кончилась гангреной. Рѣшили отрѣзать ногу, и такъ какъ подобную операцию невозможно дѣлать на глазахъ у другихъ больныхъ—въ торжественномъ залѣ, то его перевели въ бараки въ отдѣльную комнату при № 1.

Вчера получаю объявленіе съ почты: посылка на 8 руб., сегодня посылку. Надписано: казаку Петру Ходину отъ казачки Евдокіи Ходиной. Оторвавшись отъ дѣтей, лечу съ замираніемъ сердца въ бараки.

— Живъ ли онъ и застанетъ ли его еще эта радость или нѣтъ, а иначе, что я буду дѣлать съ этой фатальной посылкой!

Вхожу въ первый номеръ, къ симпатичной сестрѣ милосердія Г.

— Что казакъ?

— Отняли вчера ногу!

— Температура?

— Пока 39. Они всегда порядочно чувствуютъ себя сгоряча!

— Какъ вы думаете, не встревожить ли его радость? Можно ли отдать посылку?

— Я того мнѣнія, что радость никогда не вредитъ человѣку!

И мы вмѣстѣ понесли посылку и вмѣстѣ раскупорили.

— Слушайте, сестрица,—сказалъ онъ, обращаясь къ Г.,—прошу васъ раздѣлить пополамъ—половину доктору З., а половину вотъ имъ...—и онъ указалъ на меня.

Опять эта фальшивая, быть-можетъ, совѣстливость обуяла меня, но отказаться я не смѣла, глядя въ это торжествующее, вспыхнувшее даже краской радости лицо, и въ эти глаза, говорившіе: «разумѣется, возьмите!»

Мнѣ удалось только опять взять меньше и большую нравственную муку совѣстливости оставить на долю З. Не знаю, какъ онъ поступить,—дай Богъ, чтобы не оскорбилъ бѣдняка отказомъ.

Но было тутъ и горе—не оказалось письма. Ужъ какъ ни шарилъ нашъ бѣдолага и подъ балыкомъ, и подъ закоптившимися бумагами—нигдѣ! Я придумала послать телеграмму, и онъ очень этому обрадовался.

— Что жъ телеграфировать, что отняли ногу?—безтактно спросила я.

— Боже упаси! Испугается до смерти!—и больной замахалъ руками.—Пишите такъ,—продолжалъ онъ,—съ подходомъ, можетъ, догадается: лежу, молъ, какъ соколъ съ отрубленнымъ крыломъ, и не быть мнѣ уже тебѣ помощникомъ, какимъ былъ прежде, и не бѣгать мнѣ по хозяйству, какъ бѣгалъ прежде. Пожалуйста, такъ—авось догадается—меньше страху.

Когда мы вышли, Г. сказала мнѣ: «Напрасно вы упомянули о ногѣ—это обстоятельство страшно мучить его, и мы стараемся, насколько это возможно, отвлекать его отъ этой мысли. Ночью онъ все кричитъ: «Покажите мнѣ ногу! Покажите мнѣ мою ногу! Я вижу, на ней пальцы шевелятся!» И если бы вы видѣли, что это за нога! Ей Богу, съ меня ростомъ!—сказала она, подсмѣиваясь надъ своимъ маленькимъ ростомъ.

23 октября 1877 г.

Сегодня получила письмо отъ жены казака, и такъ какъ была дежурною въ торжественномъ залѣ, то отправила его въ бараки. Говорятъ, нашъ великанъ плакалъ, слушая трогательный рассказъ жены о томъ, какъ она безъ него въ одиночку собирала сѣно и какъ кормила его любимыхъ лошадей.

24 октября 1877 г.

Дѣло сестеръ милосердія у насъ новое дѣло, поэтому типъ сестры милосердія, общій типъ еще не созданъ; тѣмъ не менѣе, вы все-таки можете вывести нѣкоторую характе-

ристику, всматриваясь и наблюдая. Прежде всего бросается въ глаза большинство — это беззаботныя, веселыя, здоровыя молодыя дѣвушки, идущія на эту трудную работу, какъ на праздникъ. Ихъ веселый смѣхъ заглушаетъ подавленные стоны раненыхъ, ихъ лица напоминаютъ раутъ, вмѣсто больницы. Этотъ смѣхъ, это веселье даже какъ-то оскорбляетъ васъ, если только вы человѣкъ впечатлительный, и напрасно вы стараетесь оправдать ихъ годами юности. Вамъ думается: откуда этотъ смѣхъ? зачѣмъ? къ чему? мѣсто ли ему тутъ, среди этихъ страданій?! чему радоваться? или въ самомъ дѣлѣ женщинѣ настолько загорожены въ жизни всѣ пути, что это сознаніе неожиданной возможности быть полезной такъ захватываетъ всего человѣка, что даже является самодовольство и смѣхъ. Я знала изъ этихъ «веселыхъ» одну сестру, которая обыкновенно такъ начинала свой рассказъ: «это было такъ весело! такъ весело — приходитъ санитарный поѣздъ съ тяжело ранеными» и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ другой типъ — сестеръ-педантовъ, если можно такъ выразиться. Онѣ слышали, учились и занимались столько же, сколько и веселыя сестры, но вообразили себя чуть ни хирургами и жестоко эксплуатируютъ тѣ научные термины, которые стали имъ извѣстны два-три мѣсяца назадъ. Онѣ работаютъ добросовѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ воображаютъ, что только имъ однимъ доступна эта работа, и на обыкновенныхъ смертныхъ смотрятъ съ самоувѣренностью и высокомеріемъ невѣжества.

— Позвольте мнѣ складывать марлю вшестеро! — сказала я однажды въ простотѣ души одной изъ такихъ сестеръ, опираясь на пословицу «несвятые горшки лѣпятъ», и протянула было уже руку (это было еще до того, какъ я прослушала рядъ лекцій въ клиникѣ Грубе).

— Нѣтъ! нѣтъ! — воскликнула она, чуть не съ ужасомъ отстраняя меня. — Боже сохрани — у насъ это дѣлается по правиламъ.

Третій разрядъ «наемницы», распознать ихъ весьма легко. — «Да, — говорила мнѣ какъ-то одна изъ нихъ, въ высшей степени добродушная дѣвушка, — если бы мои родные не разорились, никогда бы я не дошла до этого униженія».

Каково это слышать въ самое горячее время увлеченія миссіей сестры милосердія и жажды подвиговъ!

Другой случай еще характернѣе: слышу—въ одной изъ больницъ нѣтъ иригаторовъ. Везу. Встрѣчаетъ меня сестра — веселая, грязная, растрепанная, съ чепцомъ на боку. Объясняю цѣль посѣщенія.

— Ахъ, нѣтъ!—говоритъ она.— Намъ иригаторовъ всеѣмъ не нужно, а вотъ, если бы вы привезли варенья моимъ тифознымъ!

Иду съ иригаторами дальше, а на другой день узнаю завѣрное отъ доктора, что тамъ, въ этой больницѣ, поливаютъ раны чайниками за отсутствіемъ иригаторовъ.

Четвертый типъ—это «искательницы приключеній» всевозможныхъ сословій, начиная съ генеральскаго и кончая мѣщанскимъ. «Когда насъ пошлютъ за Дунай!» повторяютъ онѣ, какъ попугаи, хоромъ, куря папиросы и ровно ничего не дѣлая въ больницѣ временнаго мѣстопробыванія, въ которой масса дѣла. Вы услышите отъ нихъ романически неправдоподобныя исторіи о страданіяхъ, которыми устланъ былъ ихъ жизненный путь. Это сестры, положительно компрометирующія святое дѣло жаждой интригъ и интересныхъ приключеній, и такъ и кажется, что красный крестъ попалъ на ихъ платье по ошибкѣ...

Пятый... но нѣтъ, къ чему я буду подводить подъ ряды исключенія. Это тѣ святые, тѣ праведники, которыми держался грѣшный городъ, это тѣ люди, божественный огонь которыхъ дѣйствуетъ электрически на толпу, и не будь ихъ, быть-можетъ, все эти полуграмотныя «хирурги»—все эти развеселыя барышни искали бы жениховъ, играли бы въ нигилизмъ и не работали бы тутъ, слѣпо повинаясь какой-то непонятной силѣ, которая проникла въ ихъ кровь, какъ зараза, тронула ихъ грубые нервы и отозвалась въ ихъ индифферентныхъ душахъ.

Такова моя Г. Вотъ ея повѣсть: женихъ — докторъ пошелъ на войну. Пошла бы за нимъ и она, да родные стали уговаривать, отецъ сталъ плакать, да и жениху не хотѣлось загубить эту молодую, изнѣженную, нетронутую жизнь. Осталась, а сердце ноетъ, и не по одному жениху, а по

всѣмъ этимъ несчастнымъ, искалѣченнымъ, раненымъ. Идетъ на помощь имъ. Опять уговоры, слезы, мольбы... но нѣтъ! Это томленіе, эта жажда подвига сильнѣе страсти къ жениху, сильнѣе всего на свѣтѣ.

— Не выдержите! — говорятъ ей. — Вы изнѣжены, вы нервны!

«Выдержу!» думаетъ она, чувствуя въ душѣ своей такъ много огня, такъ много нравственной силы, какъ никто изъ этихъ равнодушныхъ, тугонервныхъ людей.

И вотъ она работаетъ,—работаетъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ, какъ никто. Примѣръ ея увлекаетъ и заражаетъ другихъ, и только опытный взглядъ въ силахъ замѣтить какую-то ненатуральную лихорадочность во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Она не въ силахъ относиться индифферентно къ окружающимъ явленіямъ—она трепещетъ за исходъ каждой операціи, она плачетъ, видя слезы, она страдаетъ чужими страданіями. Зато и любятъ же ее всѣ эти «труждающіеся и обремененные», зато и умѣетъ же она утѣшить и успокоить ихъ!

Однажды ночью больной чувствуетъ, что исходитъ кровью. Зоветъ. Никто не слышитъ—всѣ крѣпко заснули. Днемъ было много, очень много дѣла, всѣ утомились и спятъ безпробудно. Больной начинаетъ кричать неистово—и боль, и страхъ, и злоба—все слышится въ этомъ крикѣ. Наконецъ, всѣ просыпаются, всѣ вскакиваютъ, всѣ бѣгутъ и видятъ что же: больной мечется и кричитъ на своей койкѣ, но еще болѣе пронзительный и раздражающій душу крикъ слышенъ въ комнатѣ сестры милосердія. Входятъ и видятъ страшный припадокъ истерики—нервы слишкомъ были натянуты и ждали только случая. Къ утру ее отвезли домой, а черезъ недѣлю я опять уже видѣла ее бодрою и энергичною на той же работѣ, только въ движеніяхъ было замѣтно еще болѣе нервности, а взглядъ горѣлъ еще лихорадочнѣе!

29 октября 1877 г.

Вчера я была дежурною въ торжественномъ залѣ и написала письмо къ брату того раненаго Коваленки, къ кото-

рому приходилъ старичекъ-отецъ, но вышло недоразумѣніе: когда я надписала на письмѣ «Коваленко», больной сказалъ мнѣ: «Ахъ, нѣтъ — онъ мнѣ не братъ — мы только такъ зовемся братьями — служили вмѣстѣ и подружили, ну, теперь онъ мнѣ все равно, что братъ, а фамилія-таки другая». И онъ назвалъ фамилію. Я переписала письмо и отослала на почту.

Захожу сегодня на минуту навѣстить больныхъ и вижу у моего Коваленки сидитъ солдатъ въ ногахъ. Подхожу.

— Вотъ посмотрите, сударыня, — говоритъ онъ, весь сіяя изъ-подъ своей головной повязки, — мы ему вчера написали, а онъ вотъ онъ самъ — легокъ на поминѣ, пожаловалъ за сколько сотъ верстъ, ну, не братъ ли онъ мнѣ послѣ этого!

Я съ благоговѣніемъ взглянула на этого загорѣлаго солдата въ потертой шинели и подумала: «Да, врядъ ли цивилизація выработала въ насъ такого рода дружбу!»

2 ноября 1877 г.

Сегодня привезли новыхъ раненыхъ. Обыкновенно у нихъ отбираютъ всѣ ихъ пожитки, въ томъ числѣ и ордена, складываютъ въ узелъ, намѣчаютъ и прячутъ въ отдѣльное помѣщеніе впредъ до выздоровленія.

Во время этой процедуры одинъ больной сунулъ что-то проворно подъ подушку. Докторъ-ординаторъ быстро отправился къ нему и потребовалъ показать. Оказался георгіевскій крестъ.

— Вы должны отдать его въ складъ! — сказалъ сухо ординаторъ.

У больного блеснули на глазахъ слезы. Я вмѣшалась съ просьбой. Безногому калѣкѣ дозволили хранить при себѣ эмблему его храбрости и результатъ его калѣчества.

16 ноября 1877 г.

Отрывокъ изъ солдатскаго письма.

(Послѣ обычныхъ поклоновъ)... «Лежу я теперь въ больницѣ въ Харьковѣ. Раненъ былъ въ поясницу на вылетъ въ лѣвый бокъ 19 іюля за Балканами, и везли меня за 100 верстъ

почти голаго — рубашку мою все рвали на перевязываніе ранъ, а имѣлъ на себѣ одежды одинъ мундиръ, остальное осталось все, гдѣ поранили — какъ шинель, какъ сапоги... Полтора мѣсяца не могъ владѣть ногою — лежалъ недвижно на койкѣ. Отъ брата нашего Михайлы, что былъ со мною въ одномъ полку, съ тѣхъ поръ, какъ меня поранили, никакихъ слуховъ не имѣю. Пропишите мнѣ о хозяйственномъ положеніи все подробно — получаетъ ли жена на себя и дѣтей отъ казны, что слѣдуетъ, а тоже о братѣ-ополченцѣ, потребовали его или нѣтъ».

Отрывокъ изъ отвѣтнаго письма.

«Посылаемъ тебѣ гостинецъ 1 рубль серебромъ, на большее не гнѣвайся, потому что денегъ негдѣ взять. На хлѣбъ у насъ неурожай, нечѣмъ обсѣменить поля. Жена твоя отъ казны ничего не получаетъ ни на себя, ни на дѣтей, а если возможно, то похлопочи самъ. Просимъ увѣдомить о полученіи денегъ. Брата-ополченца угнали».

23 ноября 1877 г.

Нѣсколько дней назадъ была я въ больницѣ, и мнѣ сказали, что названный братъ Коваленки выхлопоталъ, чтобы его перевезли въ больницу въ Таганрогъ, такъ какъ тамъ находится жена больного и онъ, нареченный братъ.

Сегодня мнѣ подали письмо изъ Таганрога. Распечатываю — солдатскія каракули. Читаю подпись — Филиппъ Коваленко. Да это онъ — нашъ больной, онъ грамотный и вѣчно, бывало, или читаетъ что-нибудь, или царапаетъ. Въ послѣдніе дни я даже совѣтовала ему уменьшить азартъ къ занятіямъ, глядя на его покрытое красными пятнами лицо. Вѣроятно, раненіе въ голову и безъ того вызываетъ приливы крови. Вотъ его письмо:

«Милостивая государыня!

«Увѣдомляю я васъ, что меня удостоилъ Господь на томъ мѣстѣ быть, на которомъ я утромъ и вечеромъ Богу молился, чтобы Онъ произвелъ меня быть на немъ, и на

которомъ я и прежде при моемъ здоровьѣ получалъ все свое удовольствіе, которое я никогда не думалъ не то видѣть, но и слышать, что какъ встрѣтили меня мои родные и жена, которые такъ много удивили публику своими слезами, что даже товарищи начали говорить: «Ну, это ты теперь попалъ не въ лазаретъ, а въ рай». И посѣтителей у меня по этому случаю теперь каждый день очень много, которые до меня приходятъ—чужихъ, а родные какъ будто здоровья приносятъ, за что и теперь молюся Богу. Еще чувствительно благодарю я васъ, милостивая государыня, за вашу доброту, которой я еще на своей жизни никогда не могъ встрѣчать, за которую не забудеть васъ Богъ. Затѣмъ прощайте!

Извѣстный вамъ унтеръ-офицеръ

Филиппъ Коваленко».

О т в ѣ т ъ .

«Получила я сегодня ваше письмо и очень жалѣю объ одномъ, что вы ничего не пишете о состояніи вашего здоровья—что ваши пальцы на ногѣ? и что говоритъ о нихъ тамошній докторъ. Такъ какъ я знаю, что вы любите писать, то прошу васъ написать мнѣ объ этомъ, для чего и прилагаю конвертъ съ маркой на мое имя. Мнѣ интересно знать также, много ли раненыхъ теперь въ Таганрогъ и какъ они содержатся. Радуюсь за васъ, что вы теперь между родными—дай Богъ вамъ поправиться имъ на радость. Благодарю васъ за добрую память обо мнѣ—что дѣлать—теперь такое время, что каждый долженъ помочь другому, чѣмъ можетъ, особенно человѣку больному, раненому. Иначе и передъ Богомъ грѣхъ, и передъ людьми стыдъ.

«Желая вамъ возможно скорого выздоровленія, остаюсь готовая къ услугамъ

Дежурная».

23 ноября 1877 г.

29 ноября 1877 г.

Нѣсколько дней я была больна воспаленіемъ горла и сидѣла дома. Въ эти дни, какъ назло, получились два письма къ наиболѣе несчастнымъ въ больницѣ людямъ Галагану и Петру Иванову.

Еще какъ-то прежде въ своемъ дневникѣ я назвала Галагана «любимцемъ», — что же такое «любимецъ» въ больницѣ? — Это не то что любимецъ у матери! — хотѣла сказать я, но, вдумавшись, рѣшила, что это именно то, что на моемъ вѣку мнѣ часто приходилось видѣть матерей, которыхъ любимцами были уроды-дѣти. Отчего это такъ? Оттого, что у многихъ людей преобладающимъ чувствомъ бываетъ состраданіе. Я думаю, что этому чувству весьма легко развиться въ человѣкѣ, легче, чѣмъ другимъ: на свѣтѣ, кругомъ, такъ много несчастій и горя, что является обширная практика для воспитанія этого чувства, и оно воспитывается.

Галаганъ — худой, больной дизентеріей, сильно раненый, некрасивый, очень-очень бѣдный, что мнѣ извѣстно по письмамъ, имѣетъ всѣ права на званіе любимца изъ состраданія, точно такъ же, какъ и другой мой protégé — Петръ Ивановъ. Онъ боленъ глазами — и на одинъ уже ослѣпъ, а другой загноился, и Богъ вѣсть, будетъ ли цѣль.

Таково было положеніе дѣлъ въ мой послѣдній визитъ въ торжественный залъ. Я отправила имъ письма черезъ посланнаго и знала, что они будутъ ждать меня для отвѣтовъ.

Сегодня я пошла въ торжественный залъ и не ошиблась: Галаганъ тотчасъ же набросился на меня съ просьбой о письмѣ.

Написавши письмо Галагану, я перешла къ слѣпому Иванову. — «Ахъ, сударыня, — сказалъ онъ, узнавши меня по голосу и немного раздирая свой загноившійся глазъ, — я уже вижу немножко, вотъ и васъ вижу, а ужъ какъ я признателенъ вамъ за письмо, такъ и выразить не могу —

два года не получалъ. Вотъ, думаю, можетъ, жена считаетъ меня убитымъ—за другого замужъ пошла, а тутъ вотъ тебѣ и радость Господь послалъ... Какъ услышалъ, что вы нездоровы, кое-какъ, до церкзи доплелся съ костылемъ—помолился!» И онъ началъ просить меня писать въ два мѣста: въ дѣйствующую армію на имя прапорщика С., куда, какъ оказалось изъ письма, родные посылали ему 4 рубля и въ Балту, въ лазаретъ, 2 рубля.

«То-то какъ получу,—мечталъ онъ, раздвигая ротъ широкою улыбкою,—сразу 6 рублей!»

— Не радуйся очень!—замѣтилъ безрукій товарищъ,—теперь они сохраннѣй, чѣмъ тогда—мигомъ израсходуешь!

Вообще, радость этихъ людей какая-то до наивности чистосердечная, ребяческая, и мотивы ея такъ жалки, что трудно глядѣть на нее безъ слезъ.

Припоминается мнѣ мое первое посѣщеніе въ больницу: оздоровѣвшаго безрукаго солдата снаряжали въ путь; санитаръ, высыпавши изъ мѣшка его запыленные пожитки—какую-то тряпочку, порванную книженку, сломанный частый гребешокъ, разбитое зеркальце въ мѣдной оправѣ и все въ такомъ родѣ—приводилъ ихъ въ порядокъ; сестра милосердія пришивала пуговицу у старой-престарой шинели съ пробитымъ пулею рукавомъ, а онъ, съ усиліемъ натащивши на себя только что подаренную ярко-розовую, шумящую, новую ситцевую рубашку, весь сіялъ отъ радости, любуясь на нее и приправляя пустой рукавъ подъ ремешокъ такъ, чтобы не было замѣтно увѣчья.

— Ну, теперь дома меня примутъ за купца!—острилъ онъ добродушно.

Или дубовые красивые костыли!—да это такая радость, какъ иному пара заводскихъ рысаковъ,—и помину нѣтъ о калѣчевѣхъ!

Я кончала письмо, когда другая дежурная подошла ко мнѣ.

— Что вы дѣлаете?!—сказала она мнѣ по-французски,—вѣдь онъ зараженный! Возлѣ него очень-очень опасно быть!

— Окончила!—сказала я больному.

Онъ моментально бросился и поцѣловалъ мнѣ руку. Я отшатнулась было, но было уже поздно.

Когда я пріѣхала домой и тщательно мыла руки передъ кормленіемъ ребенка, я думала: «Нѣтъ, отказать ему въ этомъ было бы невозможно, негуманно, даже если бы и можно было предвидѣть, да и опасность въ сущности не реальная, а результатъ мнительности».